

(Сентябрь 2011, суббота, 11:35)

С Питером Паркером было что-то не так. Гвен Стейси чувствовала это, хотя и не могла точно определить, что именно. Ее интуиция кричала об опасности.

"Как мы дошли до этого?" - невольно задавалась вопросом Гвен.

Ее жизнь только-только начала налаживаться. Ключевое слово - "начала". Она играла в группе, чьи концерты неизменно собирали аншлаги. Работала в одном из ведущих исследовательских центров Нью-Йорка, уступавшем разве что зданию Бакстера. У нее было множество друзей, она была лучшей ученицей в классе. И в довершение ко всему - она была подростком-супергероем, ежедневно уворачивающимся от пуль.

Можно сказать, что странностей в ее жизни хватало. Все началось с радиоактивного паука, укусившего ее во время прошлогодней научной экскурсии. Эта искра разожгла пламя, которое теперь превратилось в бушующий пожар.

И воплощение этого пожара, копившегося более двух месяцев, сидело сейчас напротив нее с безразличным видом. Питер Бенджамин Паркер - местный ботаник, остряк, ее лучший друг и, как недавно выяснилось, суперзлодей по прозвищу Ящер, ответственный за смерть шестнадцати полицейских и двадцати шести гражданских. Не считая почти сотни раненых, включая ее отца.

Настоящий массовый убийца. Она знала это наверняка - она читала отчеты, не смогла удержаться. Ей нужно было знать.

Он должен был бы сейчас сидеть за решеткой. Да и она тоже, если бы ее отец узнал о ее внеклассных занятиях. Но вот они здесь - случайный подросток-супергерой/линчеватель и самопровозглашенный массовый убийца-подросток-суперзлодей.

Даже если бы она хотела действовать на основании того, что знала, кому она могла бы рассказать? Как объяснить? Кто бы поверил? Как далеко это зашло бы, прежде чем кто-нибудь догадался о ее секретах? Люди не настолько глупы, чтобы не заметить связи. Все, что им нужно - соединить точки, и бам! Достаточно лишь легкого толчка в правильном направлении.

Возможно, это было эгоистично, но она также не хотела, чтобы с Питером что-то случилось, по крайней мере, пока она полностью не разобралась в ситуации. Проблема была в том, что она не могла спросить Питера напрямую.

"Итак... Привет, я Женщина-паук. Знаешь, тот супергерой в маске, который чуть не забил тебя до смерти два месяца назад, как раз накануне смерти твоих дяди и тети... Да, это я... Так что, давай поговорим об этом."

Она представила, что Питер не очень-то обрадуется такому потоку информации.

Воспоминания о их схватке ворвались в ее мысли. Она видела Питера, умоляющего ее остановиться, повторяющего снова и снова тихим шепотом:

"Это не я, я не могу остановиться, пожалуйста, помоги мне, останови это, это не я, это не я, это не я. Помоги мне, останови это, это не я, ПОЧЕМУ ТЫ МНЕ НЕ ПОМОЖЕШЬ?"

Она моргнула, отгоняя воспоминание, запирая его обратно в дальний уголок сознания. Вспоминать об этом сейчас не принесет пользы ни одному из них. Она ненавидела то, как ее

желудок скручивался узлами, когда чувство вины и обиды закрадывались в душу. Она быстро подавила их, хотя это потребовало немалых усилий.

Ей нужно было знать, что с ним произошло. Этот факт оставался неизменным. Если он не контролировал себя, то что случилось в тот день?

Она несколько раз проверяла его в костюме после их битвы, когда ситуация с ее отцом успокоилась, и то, что она видела, через что проходил Питер...

Она больше не возвращалась после этого. Не могла. Она слишком сильно обижалась на Питера за то, что он сделал, чувство вины съедало ее изнутри, словно добавляя оскорбление к травме. Тур с группой тоже не помог ее ситуации, и не успела она оглянуться, как прошел месяц.

"Серьезно, что происходит с моей жизнью прямо сейчас?" - она бросила взгляд на меню в своей руке, используя его как предлог, чтобы собраться с мыслями.

Питер продолжал делать то же, что и с момента ее прихода - смотрел в окно с тем же скучающим выражением лица. Он так и не сказал ничего, кроме простого "привет", когда она пришла. Он даже не взглянул на нее после первоначального приветствия.

Было ли ему некомфортно? Что он чувствовал? Как он справлялся после случившегося? Что именно произошло? Ненавидел ли он ее? Все еще злился на нее? Знал ли он, что это она была под маской? Знал ли он, кто она? Чувствовал ли он вину за то, что сделал? Почему он это сделал? Почему он убил тех людей? Почему он превратился в это существо? Как он это сделал? Зачем он это сделал?

Столько вопросов, но ни единого слова не было произнесено между ними.

Тишина была своего рода утешением, безопасным убежищем друг от друга. Несмотря на все, что произошло между ними, они все еще чувствовали себя комфортно в присутствии друг друга, хотя это никак не уменьшало напряжения между ними.

Они сидели в кофейне недалеко от Оз Корп, где Гвен проходила стажировку по выходным и иногда после школы. Это место они выбрали вместе, так как оба хорошо его знали. Раньше они часто заходили сюда во время перерывов, когда работали вместе, до того как Питера уволили. До того, как он стал... чем-то иным. До того, как все изменилось.

Если бы кто-то сказал ей тогда, что став супергероем, она однажды чуть не забьет до смерти своего лучшего друга, превратившегося в какого-то мутировавшего человека-рептилию, она бы рассмеялась им в лицо. Тогда все было проще.

Теперь же она обедала с тем самым человеком, которого, как ей казалось, она забила до смерти. Вот он, живой и невредимый, без единого шрама или синяка. Ни единого следа той смертельной схватки между ними.

Она снова украдкой взглянула на него, просто чтобы убедиться, что это действительно Питер Паркер сидит рядом с ней. И снова та же мысль ворвалась в ее сознание: что-то было не так с Питером Паркером.

Она поняла это в тот момент, когда он появился в школьных коридорах два дня назад. Весь прошедший месяц ее терзали чувство вины и обиды. Она ненавидела себя за то, что чуть не сделала со своим другом, и обижалась на него за то, что он сделал с ее отцом.

Ей хотелось обвинить его во всем, и в какой-то момент она так и сделала, но в конце концов сдалась, понимая, что это несправедливо по отношению к нему. У нее было время остыть, и она решила, что, возможно, стоит дать ему шанс сделать то же самое, может быть, даже объясниться когда-нибудь. В конце концов, она ведь чуть не убила его.

А потом он вошел в коридоры средней школы Мидтауна тем утром. Гвен не видела, как он вошел, ей это было не нужно - она почувствовала его в тот момент, когда он оказался в зоне действия ее паучьего чутья. Покалывание, которое столько раз спасало ее, взорвалось как бомба в затылке. Она не понимала почему.

Он не делал ничего угрожающего, просто прошел к своей парте и сгорбился там до прихода мистера Харрингтона. Но в этом и была проблема. Все то утро, пока он сидел там, казалось, будто сама смерть пришла в школу Мидтауна, прогулялась по классу и села позади нее на место Питера.

Это пугало ее, она не могла даже взглянуть на него, не вздрогнув от сенсорной перегрузки своего паучьего чутья. Дошло до того, что она не могла перестать дрожать. Ее друзья приняли это за гнев на Питера, поэтому ЭмДжей взяла на себя задачу буквально сверлить Питера взглядом все утро.

Она продолжала бы весь день, если бы Гвен не остановила ее, когда двери их класса резко распахнулись. В тот момент, когда вошел мистер Харрингтон, все прекратилось. Ее паучье чутье перестало покалывать, бомба, взорвавшаяся в затылке, исчезла, и гнетущее чувство ужаса рассеялось. Все просто вернулось в норму. Она не знала почему, но ей нужно было выяснить.

Поэтому, когда Питер отправил ей сообщение с просьбой встретиться здесь, она придумала отговорку для друзей и согласилась. Им нужно было о многом поговорить. Она прекрасно осознавала, какое влияние ее друзья оказывали на Питера, и хотя она любила ЭмДжей как сестру, ее присутствие здесь только ухудшило бы ситуацию. Лучше было поговорить наедине, чтобы во всем разобраться.

— Привет, что будете заказывать? — спросила официантка у Питера, прервав ход мыслей Гвен.

Официантка была симпатичной девушкой-подростком, не старше Гвен или Питера, с короткими каштановыми волосами, подчеркивающими ее яркие карие глаза. На бейджике было написано "Мисс Грин".

Гвен даже не заметила, как она подошла к ним.

— Я буду стакан воды и то же, что и она, — ответил Питер.

— Стакан воды, хорошо, хорошо, хорошо. А вы что будете? — официантка приподняла бровь, повернувшись к Гвен. Ее губы слегка изогнулись, на лице появилось то самое выражение.

"Замечательно", — подумала Гвен. Она достаточно общалась с девушками, чтобы понять, что официантка наслаждается ситуацией, поэтому просто выбрала первое, что увидела в меню.

— Я буду шоколадный смузи.

— Один стакан воды и два шоколадных смузи, сейчас будет. — Проходя мимо Питера, она повернулась к Гвен, подмигнула и показала два больших пальца вверх, беззвучно произнеся: "Держись, сестренка, у тебя все получится". Ее легкая улыбка превратилась в широкую

ухмылку.

"По крайней мере, кто-то наслаждается моим несчастьем", — Гвен тоскливо вздохнула. Официантка слишком уж веселилась, на ее взгляд.

— Прости, — произнес Питер так тихо, что Гвен подумала, будто ослышалась.

— Что?

— Я прошу прощения за... ну, за все, — повторил он.

И тут впервые с момента ее прихода он повернулся к ней лицом, и впервые с момента ее прихода Гвен пожалела об этом.

Его глаза были пусты, в них не было привычного блеска, той крошечной искорки, которая делала его Питером. Его выражение лица не соответствовало ему самому, улыбка была неправильной, словно плохо подогнанная маска, которая больше не соответствовала очертаниям его лица, а попытки улыбнуться выглядели неуверенными и чужими.

Его манеры казались чуждыми тому, что она знала о своем друге. Он выглядел иначе. Он был тем же, но в то же время нет. Он стал немного выше, чем она помнила. Его волосы были дикими и непослушными, руки длиннее, и он казался крупнее.

Даже то, как он двигался, было неправильным. Даже его речь изменилась. В его голосе появился легкий монотонный ритм, он больше не ломался. Просто тот же поток звуков, следующий одной и той же мелодии.

Все в Питере Паркере сейчас казалось неправильным. Они знали друг друга годами, ходили в одни и те же классы с средней школы, были на днях рождения друг друга с тринадцати лет. Она знала его всю свою жизнь, так же хорошо, как он знал ее, а может, даже лучше. Конечно, за последние несколько месяцев они отдалились друг от друга и не разговаривали с тех пор, как произошел тот инцидент в больнице, но она знала Питера.

По крайней мере, она знала достаточно, чтобы понять, что сейчас... что-то было очень не так с Питером Паркером.

-----Глава 19-----

Сентябрь, пятница, 1:23 ночи.

Что приводит человека к жестокости? Это врождённое качество или что-то, что формируется под влиянием внешних факторов? Рождаются ли люди с этой чертой, как с неизбежным наследием, или мир, в котором они растут, оставляет на них свой отпечаток, преподнося искажённые истины?

В суровых и безжалостных условиях жестокость становится нормой? А в благополучных и спокойных обстановках, имея всё, что только можно пожелать, некоторые начинают испытывать удовольствие от жестокости, ища в ней острые ощущения?

Передаётся ли жестокость по наследству? Если родители жестоки, будут ли их дети еще хуже, как если бы это было нежелательным наследием?

Как так получается, что мы, обладая всей сложностью человеческой природы, можем использовать жестокость как искусство? И почему мы доводим это отвратительное искусство до совершенства, словно это оружие?

Почему некоторые люди с гордостью хвастаются своими крайностями, нося свою способность к жестокости как сомнительный знак отличия? Что побуждает их праздновать злобу?

Что в нас, людях, позволяет восхвалять такие отвратительные поступки?

Юрико Ватанабэ этого не знала, и, честно говоря, её это не волновало. Сейчас она хотела убить.

«Меня зовут Юрико Ватанабэ, я офицер полиции Нью-Йорка, значок номер 480316, я переживу это и убью тебя. Меня зовут Юрико Ватанабэ, я офицер полиции Нью-Йорка, значок номер 480316, я переживу это и убью тебя. Меня зовут Юрико Ватанабэ, я офицер полиции Нью-Йорка, значок номер 3749, я переживу это и убью тебя.» Эти слова звучали в её голове, как мантра, её единственное спасение.

Отчаянная просьба сохранить рассудок.

Она задавалась вопросом, придут ли они за ней...

Она совершила несколько ошибок в жизни, но одно решение, о котором она никогда не жалела, — это стремление делать правильные вещи.

Её дедушка вдохновил её на этот путь, передал ей мечту, которой стоило следовать, факел, который нужно было нести.

Её отец взял этот факел до неё, а она гналась за ним, не жалея сил.

Она преследовала эту мечту до тех пор, пока сама не стала офицером. Третье поколение в семье полиции, молодая и перспективная.

Но жизнь не бывает так добра, чтобы дарить хорошие времена надолго.

В день её выпуска отца арестовали за взяточничество.

.....

Она задавалась вопросом, знал ли кто-нибудь вообще, что она пропала...

«Меня зовут Юрико Ватанабэ, я офицер полиции Нью-Йорка, значок номер 480316, я переживу это и убью тебя.»

.....

И это было полнейшей чепухой. Её отец был для неё примером, тенью, которую она преследовала. Самый законопослушный гражданин, которого только можно встретить. Он всегда сортировал мусор в соответствии с цветной маркировкой, делая это годами, потому что таков был закон.

По крайней мере, он так думал.

В её голове всплыли образы времени, проведённого с отцом, от их первого наблюдения, когда

ей было шесть, до момента, когда её приняли в полицейскую академию.

Почему бы он взял взятку от кого-то столь известного, как семья Маггия?

Это было неправильно. Это было несправедливо.

.....

Она хотела жить... ей нужно было жить... Может быть, наконец, посетить Японию...

«Меня зовут Юрико Ватанабэ, я офицер полиции Нью-Йорка, значок номер 480316, я переживу это и убью тебя.»

.....

Но такова жизнь. Она поняла это, когда потеряла напарника в битве за Гарлем. Если такие существа существуют, почему жизнь должна быть справедливой?

Тем не менее, она выбрала поступать правильно. Именно поэтому она осталась с напарником, когда другие офицеры убежали, пытаясь вытащить его из-под машины, пока он не перестал дышать.

Именно поэтому она стреляла в монстра, чтобы дать шанс другому "суперфрику", который пришёл на помощь, и какое это было изменение.

Незабываемое зрелище. То, что она увидела в тот день, оставило неизгладимый след в её сознании.

Образ израненного мальчика, его голос выдавал возраст, стоящего посреди разрушенных улиц Гарлема с улыбкой на лице, сражающегося в битве, которую он знал, что проиграет.

Этот безумный смех.

Полумертвый и медленно умирающий, его рука сломана до самого плеча после атаки, о которой он, возможно, даже не подозревал, если судить по его хохоту.

Кровоточащий и избитый, он стоял перед существом, почти в пять раз превосходящим его по размеру, с улыбкой на лице.

Кто бы мог забыть это?

Он был безумен. Абсолютно чокнутый. Она была уверена в тот момент, что на всей Божьей земле нет лекарства от его ментальной болезни.

Что бы это ни было, это было какой-то своей формой безумия.

И всё же память об этом упорно всплывала, особенно сейчас. Мальчик, который сражался насмерть, сражался, зная, что смерть неизбежна, несмотря на свои суперсилы, с одной ногой уже за чертой, и когда смерть пришла за ним... Что он сказал...

—Это было целью, тупая чёртова сука. — И он показал ей фак.

Тот мальчик был безумен, она знала, что с ним что-то было не так, с его безрассудным пренебрежением к собственной смертности. Это было почти так, как будто он хотел умереть.

.....

Смогла бы она проявить такой же дух сопротивления, когда она...

«Меня зовут Юрико Ватанабэ, я офицер полиции Нью-Йорка, значок номер 480316, я переживу это и убью тебя.»

.....

Как человек, она была уверена, что с этим что-то было фундаментально не так, это было ненормально, но в тот день не было ничего "нормального".

Воспоминания о той ночи продолжали преследовать Юрико, даже спустя время. Образы прошлого вторгались в её сознание, пока она мысленно повторяла свою мантру: "Меня зовут Юрико Ватанабе, офицер полиции Нью-Йорка, жетон номер 480316. Я выживу и уничтожу тебя."

Когда чудовище закончило избивать её напарника, швырнув в него пожарную машину, Юрико спряталась, молясь, чтобы оно забыло о её существовании. Казалось, кто-то наверху услышал её мольбы - с неба упало нечто, приземлившись на противоположной стороне улицы. Это существо не было ангелом, но Юрико была благодарна богам, отбросив христианство и обратившись к своим азиатским корням.

Она благодарила высшие силы за то, что это чудовище оказалось на их стороне. То, что произошло дальше, навсегда отпечаталось в её памяти. Юрико нашла своего напарника, кашляющего кровью и стонущего от боли. Пока два существа сражались друг с другом, она решила попытаться освободить его.

Юрико пыталась поднять автомобиль с помощью железного шеста, который соорудила из обломков уличного фонаря. В голове мелькали странные мысли - ей хотелось чего-нибудь сладкого, может, пончиков из той кондитерской... как же она называлась?

"Меня зовут Юрико Ватанабе, офицер полиции Нью-Йорка, жетон номер 480316. Я выживу и уничтожу тебя."

Машина едва приподнялась, удар был оглушительным. Стоны напарника отдавались в ушах, сердце колотилось как безумное. Юрико боролась с желанием обернуться и посмотреть на сражающихся монстров. Её руки дрожали, но страх отступил перед решимостью помочь напарнику. Она напрягла все силы, пытаясь сдвинуть автомобиль.

Внезапно металл закрипел, и машина отлетела в сторону. Юрико поняла, что это сделала не она. Над ней возвышалось то самое существо - самоубийца, с отсутствующей рукой и зияющей дырой в груди. Оно было покрыто кровью и внутренностями. Половина лица существа отсутствовала, обнажая пустую глазницу и череп.

Юрико не могла описать этот момент словами. То, что последовало дальше, не поддавалось её пониманию. Существо наклонилось и подняло её напарника, пока она сидела в немом шоке. На её глазах плоть чудовища начала восстанавливаться - мышцы извивались как черви, сухожилия сплетались заново, новая рука буквально выросла из старой. В конце концов, кожа покрыла всё тело, и существо стало как новенькое.

Что-то древнее шевельнулось в душе Юрико при виде этого - первобытный страх, такой же старый, как само время. Она не могла точно определить это чувство.

"Меня зовут Юрико Ватанабе, офицер полиции Нью-Йорка, жетон номер 480316. Я выживу и уничтожу тебя."

Флэшбек -

—Эй, ты в порядке? Никаких травм? Сможешь отвести его в безопасное место? - спросил МЕРТВЕЦ, разрезая себя и используя СВОЮ КРОВЬ, чтобы запечатать РАНЫ её НАПАРНИКА.

—Да? - ответила она рефлекторно, не доверяя собственному голосу.

—Я не подписывалась на это дерьмо, - стучало у неё в голове.

—Ты умер, - констатировала она.

—Ага, - небрежно ответил он.

БУМ!

Звук рёва и взрывов привлёк их внимание, за ним последовала стрельба с вертолёта.

—Послушай, леди... офицер, я понимаю, что ты сейчас многое переживаешь. Поверь, я тоже. Мне нужно, чтобы ты взяла его и бежала, - сказал он с натянутой улыбкой, пытаясь выглядеть уверенно.

Его голос звучал ещё моложе вблизи. Юрико предположила, что ему от шестнадцати до девятнадцати лет.

Если бы она не знала лучше, то сказала бы, что он выглядел взволнованным. Его слегка светящиеся глаза, которые, как она решила, были лишь игрой пламени, не помогали его делу.

Огонь также освещал черты его лица, которые она отчётливо видела даже сквозь кровь и ошметки органов, но недостаточно, чтобы опознать его.

—Ты просто ребёнок, - сказала она. —Ты, чёрт возьми, ребёнок.

—Я в курсе. Эй, СОСРЕДОТОЧЬСЯ! Ты можешь увести его отсюда? Мне правда пора идти. ДА ИЛИ НЕТ?— Он слегка ударил её по щеке, и это всё равно чертовски больно.

—Какого хрена ты делаешь?— Она вздрогнула, рефлекторно бросив удар, который он легко поймал.

—Пытаюсь разбудить тебя?

—Я, блядь, уже проснулась.

—Да? Меня ты не убедил.

—Ну и пошёл ты, чёрт, как больно.— Она слегка потёрла ушибленную щеку.

—Хорошо, теперь ты проснулась. Так что бери его и беги отсюда как можно дальше, потому что мне нужно свести счёты с этим красавчиком... Стоп, что? О боже... теперь их двое, это настоящее нашествие.— Окровавленный псих усмехнулся своей шутке, разминая костяшки

пальцев.

—Нет, не так... Э-э, это нашествие из двух, вот теперь в точку.

—Подожди, ты собираешься ВЕРНУТЬСЯ? ТЫ ЧТО, СПЯТИЛ?

Подросток приподнял бровь, и его намерение было ясно без слов.

'Очевидно'.

—Что с тобой не так? Ты же просто ребёнок, ты только что умер! Я честно не понимаю, как всё это возможно, но я знаю, что знаю - такие дети, как ты, не должны делать подобные вещи. Мне плевать, что ты не можешь умереть, ты не можешь просто вернуться туда. Ты вообще чувствуешь боль?— Она не понимала, что происходит, и даже не пыталась понять. Пусть этим занимаются умные люди. Но она точно не собиралась позволить происходящему изменить её ценности.

Она всегда старалась поступать правильно, а это было неправильно. Всё это было неправильно.

Всё в этом парне было просто неправильным.

—Ты говоришь так, будто это должно что-то для меня значить. И да, я чувствую боль, но моя боль буквально не имеет к тебе никакого отношения. Ты точно в порядке, леди?— ответил подросток всё тем же раздражающим тоном.

Его беспечное отношение, явное пренебрежение собственной безопасностью - кем бы он ни был - оставили её без слов.

—Зачем ты это делаешь?— не удержалась она от вопроса.

И он ответил четырьмя простыми словами.

—Почему... Потому что могу,— фыркнул он, словно это был самый очевидный ответ в мире.

—И мне сейчас действительно плевать на твоё мнение о том, что я могу и не могу делать. Так что сейчас я пойду туда и сведу счёты с моим убийцей, а ты, будь добра, беги со своим другом, который истекает кровью... Понятно? Понятно.— Сказав это, он взмыл на крыши, когда чудовищный рёв прокатился по улицам.

—РООООООССССС!

—Чёртов безумный псих... Твою мать... СТОЙ... ЗЕЛЁНЫЙ НА НАШЕЙ СТОРОНЕ! ЭЙ... ТЫ... чёрт... вздох...— Стон, полный боли, привлёк её внимание.

—О чёрт, Келли... Боже, чувак... Мне так жаль...

Это был последний раз, когда она его видела. В следующий раз он появился в новостях.

Оказалось, что этот суицидальный псих в итоге победил.

Конец флэшбека -

<http://tl.rulate.ru/book/92704/4474140>